

ЛИРИКА ИОАННЕСА ИОАННИСЯНА В ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

М.М.ГЕРУНИ-САРКИСЯН

Общечеловеческие ценности в области искусства, созданные гениями зодчества, живописи, музыки, понятны всем людям на земле независимо от их национальности, языка, вероисповедания и образования. От мала до велика могут наслаждаться оригинальным и тиражированным творчеством Канова, Рембрандта, Айвазовского, Моцарта, но прочесть на языке оригинала Шекспира, Гете, Нарекаци могут не все. Увы, тут восприятие зависит от мастерства переводчика.¹

Известно, что И. Иоаннисян свободно владел основными европейскими языками, первым пробовал перевести на армянский отрывки из “Илиады” Гомера. Известно также, что он без подстрочника переводил с девяти языков. Биографы пишут, что поэт был недоволен судьбой, недоволен тем, как ему удалось реализовать себя в жизни. Однако он оставил стихи, на которых учились писать О.Туманян и А.Исаакян. Сегодня этих поэтов мы знаем лучше, чем их учителя, но в произведениях каждого из них сохранились черты влияния на их творчество поэзии И.Иоаннисяна.

8-го января 1916 года, 83 года назад, после лекции В.Брюсова, посвященной изданию антологии армянской поэзии, с приветственной речью выступил И.Иоаннисян, который назвал начинание Брюсова, направленное на ознакомление русской общественности с многовековым творчеством армянского народа, благородным трудом.

И.Иоаннисяна на русский переводили Вяч.Иванов, Ю.Верховский, Е.Сырейщикова, С.Шершеневич, К.Липскеров, В.Брюсов, К.Бальмонт, С.Шервинский, М.Петровых, В.Звягинцева, Т.Спендиарова.

В 1994 году издательством “Наири” в Ереване издан сборник переводов А.Налбандяна “И.Иоаннисян. Лирика”². Это один из удавшихся за последние два-три десятилетия переводов на русский,

¹ Проблемам мастерства перевода на русский язык произведений Наапета Кучака, Костандина Ерзнкаци, Григора Нарекаци, Мхитара Гоша, Саят-Нова, Иоаннеса Иоаннисяна, Аветика Исаакяна, Сиаманто, Паруйра Севака и других армянских поэтов древности и современности посвящено исследование под общим названием “Образ автора в переводах поэтических произведений с армянского на русский язык”, отрывок из которого, посвященный переводам из поэзии Иоаннеса Иоаннисяна, излагается в настоящей статье.

² И. Иоаннисян. Лирика, Ереван, 1994.

осуществленных армянскими писателями на профессиональном уровне.

Отрадно, что классика армянской поэзии переводят и в наши дни. Однако это было смелое начинание, так как один только список вышеперечисленных имен маститых русских поэтов-переводчиков уже вызывает чувство робости встать в один ряд с ними.

Издание сборника — переводческая удача А.Налбандяна. Причина удачных переводов кроется в почтительном отношении поэтов-переводчиков к воистину классическим стихам автора, где лиризм, гражданственность, нежность и интеллект — все истинное, неподдельное. В переводах А.Налбандяна четко вырисовывается образ автора, тонкого лирика, чьи чувства выточены, чьи порывы сдержанны, чья гражданственность и патриотизм вдохновляют образ гражданина-патриота, лирика-созерцателя с ненавязчивой эстетикой.

Особого рассмотрения заслуживает выбор переводчиком лексики и фразеологии, интонационных параллелей национальной мелодики армянского языка, синтаксической нюансации для создания неповторимого образа тонкого лирика-просветителя, чьи стихи наполнены воспеванием красок природы, духом призыва к освобождению собственного народа от чужеземного ига. Очевидно стремление переводчика к сохранению формы и содержания оригинала.

А.Налбандяну удалось в переводах найти и передать ритм, свойственный лире И.Иоаннисяна, как в свое время В.Брюсову удалось в своих переводах найти ритм и мелодику произведений Саят-Нова, — решающий, ключевой момент при передаче неповторимой особенности стиля, не свойственной русской поэзии.

Надежду на лучшую жизнь народа выразил И.Иоаннисян в программном стихотворении «Հաղթիկ» — «Зерно». Оно помещено в сборнике дважды: в переводе Е.Сырейшиковой и А.Налбандяна. Невольно напрашивается сравнение двух переводов между собой и с оригиналом. Стихотворение содержит аллегорию о зароненном в землю — в народ — зерне добра, зерне просветительства, призыв поэта трудиться на этой ниве в поте лица.

В переводе А.Налбандяна использованы лексические соответствия:

«Թող դարձի մեռնի գետնի տակ» — «Пусть под землею сгинут без следа»;

«Եվ ջերմ աղոթքով տիրամոր առջև ես մոմ կը վառեմ, ես խոնկ կը ծխեմ» — «Сложу смиренно руки на груди перед священным ликом приснодевы»;

«Ար քեզ ցարգեկ»: — «чтоб ниспослала»;

«Տոբ ջարդված արիւն մի քուն հաճախան» — «Навей блаженный сон моей душе...», которые создают ясное представление о языке поэта, полном поэтических архаизмов. Как нельзя лучше сохранен в переводе спокойный повествовательный тон оригинала.

Фразеологизмы, использованные Е.Сырейшиковой:

“Сеять горе” — неудачно использован, так как прямой смысл фразеологизма настолько негативен, настолько функционально постоянен, что все дальнейшие уточнения смысла в трех последующих строчках строфы не сглаживают впечатление от привычного его смысла, не снимают с него логического ударения.

С тобой свое горе я сею, зерно!
 Но бог повелит, и ты встанешь опять:
 Умрет под землей только горе одно,
 А ты возвратишься меня утешать.
 Թաղեմք քեզ հատիկ, և դարդի քեզ հետ,
 Թե աստված ուզեց, դու կանաչեցիր,
 Թող դարդի մեռնի գետնի տակ անհետ,
 Դու ինձ մխիթար կրկին տուն դարձիր:

Там, где у автора «մեղքերիս համար» — “за грехи”, у переводчицы — целая строчка с не вполне понятным смыслом использованного продолжения фразеологизма “погрязнуть в грехах”: “Но если в грехах я погряз без конца”. Можно погрязнуть по горло, по уши, но погрязнуть без конца”, — такого фразеологизма просто нет в русском языке, не говоря уже о том, что автору инкриминируются сомнения, насколько он грешен. В дословном переводе выше процитированная строчка перевода выглядит так: “Но если этого блага за свои грехи я не удостоюсь...”.

Несколько смущает употребление переводчицей непривычных для русского языка лексических сочетаний, как: “перед матерью бога”, “и ты (о зерне) встанешь опять”, “Тогда уже в ласкательном шуме твоём...”. Ведь нашему уху непривычно сочетание негативного первейшего смысла слов “шум” с эпитетом “ласкательный”, да еще при громоздкой инверсии. Иным читателям подобные лексические неудобства могут показаться вынужденным приемом, примененным переводчицей во имя стилизации под армянский. На самом деле подобных соответствий в тексте оригинала нет.

Сложное переложение И.Иоаннисяном древнеармянского литературного памятника о рождении Ваагна переведено А.Налбандяном на одном дыхании, — в переводе тот же накал страстей, тот же героический пафос. К сожалению, переводчиком пропущено маленькое, но значительное для автора добавление к тексту литературного памятника:

Յնծա, բլրվիշապ Հայաստան աշխարհ,
 Փրկության արև Վահագնիդ տեսար:³

В это добавление автор вложил свою заветную мечту об освобождении Армении. У Налбандяна же последние строчки не содержат смысла об освобождении:

Ликуй, многодраконная страна,
 Ваагном-солнцем ты озарена!

³ Ликуй, многодраконная страна Армения,

Ты увидела солнце своего спасения — Ваагна (подстр. пер. — М. Г.-С.)

Однако обратимся к переводу Вяч. Иванова. Этот перевод можно считать одним из образцов лучших поэтических переводов, достойным оригинала, так как по содержанию и по форме повторяет автора.

Ты ль пред Ваагном склониться не рад,
Сын исполинов, седой Арарат?
Звону пучины, небес и земли,
Чаша страданий, край отчий, внемли,
Многодраконный, родной Айастан:
Солнцем спасенья ты днесь осиян!

Стихотворения: "Они твердят...", "Мы не хотим, поэт", "Гроза прошла", "Тхмут", "Орел и жаворонок". "Как старец могучий" переведены А.Налбандяном так, что читателю, владеющему обоими языками, но не знающему, кто автор стихотворений, трудно будет понять, с какого языка на какой они переведены. В переводах не упущен ни один нюанс из содержания, из настроений автора, а что касается ритмики и рифмы, то нужно сказать, что и в этом переводы не уступают оригиналу.

Считаю необходимым отметить, что переводы Налбандяна отличаются особо бережным отношением к лексике и фразеологии русского языка. Ни в одном его переводе не встретишь умышленного или невольного ущемления русского языка в угоду рифме или стилю переводимого стихотворения. Хотя известно немало примеров, когда именно русские переводчики в угоду собственной поэтической немогущности огульно коверкают собственный язык. (Это явление очень распространено и в некоторых "переводах" из мировой и русской литературы на армянский язык). А хуже всего то, что читатели, не знающие армянского, все подобные шероховатости текста сваливают на экзотику языка автора, на мнимую неперевоодимость некоторых выражений или синтаксических сочленений.

Справедливости ради нужно сказать, что перевод стихотворения "Новая весна", сделанный Ю.Верховским, превосходит перевод А.Налбандяна, так как в переводе А.Налбандяна не передан стиль гусанской песни, использованный автором. Это стихотворение переведено средствами книжно-литературной речи. Для сравнения приведу первую строфу их обоих переводов. В переводе А.Налбандяна:

Здесь никто тебя больше не ждет-
Ты зачем к нам идешь, весна?
Не обрадует нас твой приход,
Ты напрасно идешь, весна!

В переводе Ю. Верховского:

Ожидать тебя — кому же?
Ты зачем идешь, весна?
Воспевать тебя — кому же?
Тщетно ты идешь, весна!

Но раз уж речь пошла о песне и песенности, нельзя отказать себе в удовольствии и не привести несколько строчек из стихотворения “Напрасны, мой ангел, напрасны...” в переводе А.Налбандяна.

Осеннее солнце не в силах
Туманной прорвать пелены,
Лугам на равнинах унылых
Вернуть ароматы весны,-
Вот так же любви неподвластно
Усталое сердце в груди.
Не мучь же себя понапрасну,
Уснувших надежд не буди.

Это романс, мелодия сама просится к стихам (как в оригинале, так и в переводе). В переводе А.Налбандяну удалось сохранить неутраченный аромат культуры конца XIX века. Это грустная мелодия об “уснувших надеждах”, об “усталом сердце”, о нежной, светлой любви в романтическом ключе. Это один из самых удавшихся переводов из поэзии И.Иоаннисяна, если не учесть, что в двух последних строчках перевод чуть отделился от оригинала: «Իրրև կորուսած վաղանցիկ եղև, Մի վառ շող անկեղծ ոգևորությամբ», что в дословном переводе означает: “Яркий луч откровенного вдохновенья, подобный утраченному быстротечному эдему”, а у А.Налбандяна: “Как грезу, как напоминанье о том, что навеки ушло”.

Целый ряд стихотворений посвятил И.Иоаннисян человеческой несправедливости, жестокости, геноциду армян в Турции. И эта страшная тема достойно передана в переводах А.Налбандяна.

“Руины” – «Սվերակ» – еще один блестящий перевод А.Налбандяна, – пример виртуозной передачи интонационных особенностей, мелодики синтаксиса армянского языка, национального духа, вложенного автором в свое произведение. Да, А.Налбандян достойно представил русскому читателю творчество И.Иоаннисяна, не растратил, не исказил, не приуменьшил интеллектуальное, духовное богатство нации. В его переводах из векового тлена встает живой мыслитель и лирик с томной, полной разочарований лирой, однако и борец, мудрец, указующий путь к свободе народного национального духа. Привожу для сравнения стихотворение на обоих языках.

Որպես վաղեմի մի ավանդություն
Կամ շքեղ երազ անմեղ մանկության,
Կենդանանում է այսօր իմ մտքում
Խրոխտ ավերակը նախնյաց մեծության.
Այսպեղ բեկորներ վսեմ արվեստի,
Այնտեղ հիշատակն արքունի փառաց,
Եվ վկայարան սրբազան ուխտի,
Եվ տխուր հետքը մեծաշուք կենաց...
Ու, այսպես ողջ մեր կյանքն է վաղանցիկ,
Ողջը լսկ ծաղր է անսիրտ բնության,
Եվ սեր, և հրճվանք համայն գեղեցիկ
Չոհ է ավերի և մռուցության,

Ինչպէս պատրանքը հեշտախորտը
 Ինչպէս գրգիռը պատանու արշաւ,
 Խաբուսիկ ծախան աշան արևու,
 Բոլորը փաղն է անհետանալու:

Сравним ритмику, мелодику, лексику оригинала с переводом:

Как некий миф,дохнувший стариною,
 Как детский сон о сказках золотых,
 Опять сейчас встают передо мною
 Руины славы пращуров моих.
 Былых величий жалкие итоги.
 Их с пьедесталов годы низвели.
 Вот прах и глина — бывшие чертоги,
 Вот след царя — в кладбищенской пыли.
 И наша жизнь — слепая жертва тленья,
 Коварная ухмылка бытия.
 Смешны надежды, радости, стремленья.
 Смерть и забвенье — вот судьба твоя.
 Как зыбкий зимний луч, как призрак счастья,
 Как в юном сердце трепет сладострастья-
 Все сгинет завтра, все сойдет на нет.
 Тщета, Химера. Суета сует.

Та же мелодика, тот же ритм, выбор лексики того же стиля, то же настроение, та же стародавняя ностальгия по прошлой славе и тот же неизбывный пессимизм.

Здесь-то и проявляется истинное мастерство переводчика, с уважительным вниманием следующего за пером просветителя; ему нет нужды выпячивать свое собственное поэтическое “я”, нет нужды торопливо доказывать всем и каждому собственные творческие способности. Ему удастся очень тонко уловить разницу между творчеством вообще и творчеством переводчика.

Поэтому даже очень творческой натуры, посвятившей себя переводческой деятельности, надо направить все свои силы, умение, талант на выявление деталей эстетической, гражданской, социальной, языковой позиции переводимого автора.

Таковы переводы А.Налбандяна, благодаря ему сегодня по-русски так злободневно звучит слово Иоаннеса Иоаннисяна — армянского просветителя.

Богоматерь

Пока мятутся глухо и незряче
 В тщете вседневной пасынки судьбы
 И тешатся иллюзией удачи,
 На миг счастливы и навек рабы;
 Пока холеный сброд, пустой и лживый,
 Вершит свою злокозненную власть

И помогает, чуя дух наживы,
Кому-то вознестись, кому-то пасть,-

Вдали от воллей ярости и гнева,
От мира, погруженного во тьму,
Стою перед тобой, Святая Дева,
И шепоту внимаю твоему.
Любуюсь этим ликом просветленным,
Туманный взор читаю не дыша...
Я знаю по страдальцам угнетенным
Скорбит твоя смятенная душа.

Над облаками белизны венчальной
Сияешь ты в немеркнувшей дали,
Заступница моей многопечальной
Безвинной кровью залитой земли.
И сердце вновь надеяться готово...
Позволь же молча на колени стать,
О светоч целомудрия святого,
Живой любви стенающая мать!...

ՀՈՎՀԱՆՆԵՍ ՀՈՎՀԱՆՆԻՍՅԱՆԻ ՔՆԱՐԵՐԳՈՒԹՅՈՒՆԸ ՌՈՒՍԵՐՆ ԹԱՐԳՍԱՆՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐՈՒՄ

Մ.Մ. ԳԵՐՈՒՆԻ-ՍԱՐԳՍՅԱՆ

Ամփոփում

Հովհաննես Հովհաննիսյանի բանաստեղծությունները ռուսերեն են թարգմանել Վ. Բրյուսովը, Վյաչ. Իվանովը, Ս.Շերվինսկին, Վ. Ջվյագինցևան և ուրիշները:

1994թ. Երևանում լույս է ընծայվել նրա բանաստեղծությունների նոր ժողովածուն՝ Ա.Նալբանդյանի թարգմանությամբ: Թարգմանությունները հաջող են կատարված, արտացոլում են Հ.Հովհաննիսյանի՝ հայ լուսավորիչներից մեկի բանաստեղծությունների բնարականությունն ու քաղաքացիականությունը: Թարգմանչին հաջողվել է գտնել և ռուսերենով արտահայտել հեղինակի բանաստեղծական տաղաչափական առանձնահատկությունները, մեղեդայնությունը, լեզվական ոճը, ինչպես ժամանակին Վ.Բրյուսովին էր հաջողվել ստեղծագործական միջոցներ գտնել Սայաթ-Նովայի երգերը թարգմանելիս:

Ա.Նալբանդյանի և այլ թարգմանությունների տեքստերի անալիզը, ինչպես նաև թարգմանությունների ու բնագրերի համեմատական անալիզը ցույց տվեց, որ թարգմանիչը խնամքով է վերաբերվել և՛ հեղինակի տեքստերին, և՛ ռուսերենի բառապաշարին ու դարձվածքներին:

Հանձնարարություն

Մ. Մ.